

Тема номера:
С Днём Победы!

Всё только начинается!

Ф И Г Р А Ф

Газета юных журналистов ГОУ школы № 309 Центрального района Санкт-Петербурга. №10, май 2013

Читайте
в номере:

С. 2

«Я – в трёх
процентах
поколения»

С. 3

Что я знаю
о войне

С. 5

«С метематикой
помогла
«Мадам Бовари»

С. 6

«Живу,
потому что
так надо»

С. 8

Невидимый
праздник

ЖИВ ПЕТЕРБУРГ! А ЗНАЧИТ, ЖИВЫ И МЫ

**День – день – дон...
Дон – бом – бом...**

Звучат, поют, торжествуют колокола! Их радость подхватывает ветер и быстро-быстро разносит по всему городу, наполняя сердце каждого жителя какой-то неисчерпаемой гордостью. Почему гордостью? Быть может, другим чувством, необъяснимым?

Колокола наперебой звонят: оповещают, что свободна земля русская, нет на ней более фашистов. Пой, пляши, танцуй, народ! Улыбайся, смейся, радуйся! Не смей печалиться: ты просто не имеешь на то права!

«...Упокой душу сына...», – слышится в Казанском соборе, в каждой церкви, в каждом приходе. Нет сегодня с нами многих славных жителей Ленинграда, героически погибших, защищавших наш край, нашу землю. Молись за них! Они дали тебе жизнь, благо-

даря их жертве ты сейчас ходишь по земле Петербургской – земле твоих дедов, прадедов. Умей ценить, умей быть благодарным!

Вечный огонь – молчаливое и посмертное «спасибо» всем солдатам, погибшим на фронте. «Спасибо! Спасибо! Спасибо!» – шелестят деревья, склонив головы, шепчут люди, улыбаются цветы, лежащие на граните памятника. Один почётный караул сменяется другим. Вот она благодарность. Спите спокойно, верные сыны своего Отечества, спите...

Дон – день – дон – день... Звонят, просят колокола! Соберитесь семьёй за дружным, накрытым столом, помолчите минуту, попросите Бога о том, чтобы не видать вам больше таких страшных времен. Поднимите бокалы за землю русскую и не сквернословьте в день праздничный, день торжественный.

Позвоните близким, поздравьте с праздником. Разде-

лите вашу радость с родственниками, друзьями и случайными прохожими. Прогуляйтесь с бабушками и дедушками по улицам города, обнимите, расцелуйте их. Не постесняйтесь сказать: «Спасибо!». Полюбуйтесь красотой Петербурга, улыбнитесь друг другу, насладитесь зеленью и вдохните полной грудью аромат вашего города, аромат, который вы больше нигде не встретите. Пусть все смотрят на родной город! Пусть! Прочувствуйте сердцем его величие, запомните его сегодня таким, какой он есть.

День – день – день... надрываются колокола. И звук, исходящий от них, птицей взмывает в небо! Пускай он летит, пускай споёт над каждой деревней, над каждым посёлком о радости земли Петербургской. Веселись народ и плачь от счастья!

Жив Петербург!

А значит, живы и мы.

Ирина Горская

КАК ЖАЛЬ...

Я не видела Нину Петровну много лет, со времени её выхода на пенсию. Но никогда не забуду, как маленькой девочкой прибежала к маме на работу, и пожилая дама, посадив меня на колени, рассказывала истории блокадного Ленинграда. Женщина тихо улыбалась, поправляла седые волосы и тяжело вздыхала. Вспоминала, что всю войну на руках её нес ангел, который уберёт от смерти. А в детском воображении выстраивались картинки, похожие на отрывки из чёрно-белых фильмов – про мою ровесницу, девочку Нину.

Зима. Мороз. Мать везёт на санках двух ребятшек. Она ужасно устала, и ей тяжело тащить санки, силы покидают. Вдруг ноша становится легче. Шаг стал ускоряться. «Может быть, упал кто-то из детей?» – оборачиваться нет сил. Наверное, показалось. В голове женщины промелькнула мысль: «Позовут – значит, уронила. Если нет – иду дальше. И будь что будет». Её окликнули. Жизнь маленькой Нины была спасена.

Летний вечер. В комнате душно, девочка сидит на подоконнике и ловит струйки воздуха из трещинки на оконном стекле. Её мать обессилена голодом, но штопает носки. Они о чем-то разговаривают. За стеной раздаются звуки рояля: это соседка ищет успокоения. Женщина играет, чтобы забыть на мгновение, что война, что хочется есть. Нина заслушалась прекрасной мелодией, выронила из рук платок, поэтому

спрыгнула с подоконника и тут... Над головой девочки пролетел осколок снаряда, миновал испуганную мать, пробил стену в соседнюю комнату. Мелодия оборвалась... Прервалась еще одна жизнь в блокадном Ленинграде. Когда вечером будут выносить тело женщины, мать Нины тихо прошепчет: «Как жаль!». Только неясно, о чем жалеет мать – об уходе соседки-пианистки или о том, что снаряд пролетел мимо.

На этот вопрос не могла ответить Нина Петровна. Ведь в тяжёлые времена блокады всё перевернулось. И было непонятно, что лучше: осколок, мгновенно оборвавший жизнь, или медленно убивающий голод.

Я слушала истории этой милой седовласой женщины и понимала, что и послевоенные годы не добавили радости в её одинокую жизнь. Жаль...

Дарья Быченкова

Я ОБЯЗАТЕЛЬНО СОХРАНЮ В ПАМЯТИ

Мы – я и мои сверстники – на-верное, последнее поколение детей, кто слышал рассказы о войне от непосредственных участников тех событий – наших прадедушек и прабабушек.

Все мои прадеды воевали. Один был мобилизован в 1944 году в возрасте 46 лет и погиб через месяц в Прибалтике. Трое других дослужили до Победы. Когда я слышала их воспоминания о том времени, мне казалось, что это сюжет художественного фильма – настолько детальными и захватывающими были те рассказы. «Не забывается такое никогда...». Вот уж точно, в памяти каждого война навсегда останутся картины боя, встречи с врагом, первый убитый немец, погибший друг – все это навеки выжжено прямо в сердце.

В моем детском сознании большой отпечаток оставили и воспоминания женщин, побывавших в оккупации, с лихвой хлебнувших войны, на себе познавших смертельный страх за безопасность близких.

Мои предки – уроженцы Псковской области, там их и застала Великая Отечественная. Во всех рассказах прослеживается одно: «В каждой деревенской избе остались старики, женщины и дети. Ожидая прихода немцев, прятали детей в подвал или рыли землянки в лесу, где и хоронились». В одной из таких землянок пришлось поселиться семье моей прабабушки, потому что дом их был разрушен во время бомбежки. Не хватает слов, чтобы передать, что испытала она, когда от разорвавшегося рядом снаряда у нее на глазах погибла сестренка. А потом в землянке же умерла в муках их мама: у неё был рак.

Другая прабабушка тогда уже имела детей, и ей, как и другим жителям деревни, пришлось пустить фашистов в свой дом «на постой». Навек запомнила она, как готовила еду врагам из выданных им продуктов, а свои ребятишки сидели на печи голодные. Как боялась она каждого шороха детей, который мог вызвать недовольство постояльцев. После ухода немцев тайком приходили партизаны, которым нужно было помогать продуктами и теплыми вещами... и опять бояться, чтобы никто не узнал об этой помощи.

Всё это я узнала ещё в раннем детстве и всегда «примеряла» на себя и свою семью пережитые ситуации. Не хватало мужества представить нас в тех условиях: каждый раз ком подкатывал к горлу, и горькие слезы застилали глаза.

9 мая мама купила красные гвоздики. Мы с трехлетним братом отнесли их на могилы прадеда,

прабабушки. А ещё к монументу неизвестного солдата. Понимал ли брат, какому солдату он возложил цветы? Я обязательно сохранию в памяти все, что знаю о Второй Мировой, чтобы поведать ему, своим будущим детям и вну-

кам, что была такая ожесточенная война, что наш народ вынес ее на своих плечах и что главное на земле – мирное небо над головой.

Екатерина Верекина

«Я – В ТРЁХ ПРОЦЕНТАХ ПОКОЛЕНИЯ...»

«Нет, не ропису я на Всевышнего. Я – в трёх процентах поколения, Вернувшихся с полей сражения. Живу. И мне не надо лишнего...»

– пишет в своей книге ветеран Великой Отечественной – военный врач с непростой судьбой, которому есть, что сказать: более десятка его стихотворных сборников тому доказательство.

Автор этих строк – Александр Михайлович Соколовский – родился в 1924-м году, прошел путь от курсанта Сталинградского курса ВММА до полковника медицинской службы. В свободное время пишет стихи и прозу.

Александр Михайлович – член Союза журналистов России, Ассоциации писателей – баталлистов и маринистов. В его литературных трудах – и личная судьба, и судьба целого поколения Второй Мировой:

«Тридцать пять важнейших лет В полной власти государства; И дежурства, и мытарства, И жилище, и лекарства, И одежда, и обед.

Скажут: личной жизни нет.

Мой ответ логичный: В том и состоит секрет Полной жизни личной».

– Александр Михайлович, расскажите, пожалуйста, как вы запомнили войну 1941-1945 года? Где находились во время сражений?

– Я – коренной ленинградец. В раннем детстве жил на Невском проспекте, напротив улицы Маяковского. С четвертого класса – у Пяти углов, учился в школе на Разъезжей улице. Иногда мы с одноклассниками по крышам домов убежали с уроков ко мне в гости на пятый этаж соседнего дома.

Школу окончил за два дня до начала войны. В январе 1941-го года я подал заявление в Военно-морскую медицинскую Академию и в первые дни войны был принят на обучение. Наш курс не сразу начал заниматься. Вначале была интенсивная военная подготовка в лагере в Лисьем Носу, существовал истребительный батальон в составе отдельной курсантской морской бригады в районе Гостилицы. Мы уже готовились встретить прорвавшийся немецкий танковый корпус, когда пришёл приказ о возвращении в Ленинград,

чтобы флот не остался без кадров. Занятия сопровождалась непрерывными тревогами. В ночь на 14 октября на территорию Академии на Загородном проспекте немцы сбросили огромное количество зажигательных бомб. Те из них, что не разорвались, мы потушили: всего около ста штук. С каждой бомбой разбирались несколько курсантов. Занятия проходили в непрерывных дежурствах, патрулировании, всевозможных военных мероприятиях. Мы знали, что Ленинград окружен, и почувствовали блокаду не только на своем пайке.

Как-то на окраине Петербурга нас отправили на угольную гавань, и через Невскую протоку мы видели, как наши самолеты летят из центра города, снижаются и бомбят: немцы были близко. Это произвело на нас, семнадцати-восемнадцатилетних ребят, сильное впечатление: тогда мы поняли, какая есть угроза городу и отдавали все силы и знания защите Родины.

Поскольку мы были будущими флотскими военно-морскими врачами, а в блокадном Ленинграде заниматься уже было невозможно, ночью 28 ноября мы на поезде доехали до Ладожского озера и совершили пеший переход: прошли 28 километров. Истощённые, но без потерь, перешли на противоположный берег озера, где оставался небольшой не занятый немцами проход: там шла эвакуация людей из осажденного города.

Академия была эвакуирована в город Киров (прежде – Вятка). В августе 1942 года нас сняли с учёбы, и я с курсом был направлен в Сталинград, где стал командиром отделения, а во время и после боя – командиром взвода. На войне перемены осуществлялись быстро! Когда меня, раненого, отвезли лечиться в полевой госпиталь, и узнали, что я медик по образованию, написали характеристику с некоторым смешным оттенком: прислан «в качестве медицинской сестры операционного блока». Это была очень хорошая школа для будущей медицинской работы.

В 1943 году вышел приказ Верховного командования вернуть бывших курсантов обратно на учёбу: дела на фронте уже шли лучше, а флот и армия не должны были оставаться без будущих офицерских кадров.

– А после войны?

– В октябре 47-го года я закончил учёбу в Академии. Служил на Тихоокеанском, Черноморском и Северном флотах. Совершенствовал свою практику: работал врачом-невропатологом, четыре нелегких года в госпитале. Потом перевели в Североморск: прослужил там семнадцать лет; был зампредседателя военно-врачебной комиссии.

– Александр Михайлович, сохраняли ли вы связь с друзьями, коллегами военных лет?

– Да. После фронта из двухсот десяти человек осталось сто десять, а в Академию вернулся сто один. Мы очень дружно служили и учились. Многие мои однокурсники стали крупными деятелями военной, военно-морской, гражданской медицины, среди них много академиков и профессоров.

– Какое ваше любимое произведение о войне? Сочиняли ли произведения о блокаде?

– На Северном флоте, где служил, было сильное литературное объединение: там встречались молодые писатели, издавали альманахи. В те годы впервые вышла и моя стихотворная книжка. Я со школьных лет занимаюсь литературным трудом: пишу стихи и прозу. Но своей главной считаю книгу «Мы курсанты 1941-го года», которая посвящена моему курсу Военно-морской Академии, участвовавшей в обороне Ленинграда. Написал прозаическую книгу «Хорошая у тебя служба, доктор» – о работе флотских врачей и семнадцать стихотворных сборников.

Вот это стихотворение я посвятил однополчанам:

«Адресная книжка. Выбывает Кто-то ежемесячно во тьму. Время – снайпер. Метко

выбывает Из шеренги нас по одному. Что поделать? Огненные вихри До сих пор безжалостны, друзья. Вроде бы мы к этому привыкли. Но привыкнуть к этому нельзя».

– Какие военные награды у вас есть?

– Четыре ордена: два Отечественной войны, орден «Красной звезды» и орден «За службу Родине в Вооруженных силах». Остальные 27 наград – медали.

– А вы принимаете участие в ежегодных шествиях ветеранов по Невскому проспекту в День Победы?

– Непременно. Помню, в 1951-1953-х годах участвовал в парадах в составе сводной роты от Военно-медицинской Академии.

– Александр Михайлович, назовите, пожалуйста, ваши самые значимые достижения мирного времени.

– Когда служил в военно-морской авиации, дежурил во время полетов: приходилось оказывать экстренную помощь, спасать людей.

А Софийском-на-Амуре свирепствовал клещевой энцефалит – заболевание со смертельным исходом. Борьба с эпидемиями, их профилактика – тоже памятная веха.

– Какие они – ваши радости сегодняшнего дня?

– Самая большая радость – это мой второй правнук, Ярослав Романович, ему одиннадцать месяцев. Конечно, рад, что живу до сих пор.

– Александр Михайлович, помощи от государства ветеранам сейчас хватает?

– Я не могу особенно жаловаться. Пенсия хорошая.

– Ощущаете ли вы на себе, что нынешняя молодёжь с уважением относится к ныне здравствующим ветеранам?

– Есть разная молодёжь. Когда иду в День Победы по Невскому, то многие молодые люди дарят цветы, просят автограф. В повседневной жизни это ощущается не так.

– Что, по-Вашему, нужно сегодня сделать, чтобы молодёжь помнила о Великой войне, больше знала о подвиге русского народа, гордилась нашей Победой?

– Нужно, чтобы чаще устраивались встречи с ветеранами в школах и вузах, издавались книги о войне, чтобы молодым чаще рассказывали о том, что и как перенес русский народ, и что было бы, если бы наше поколение не победило. Когда приглашают в школу, ребята встречают хорошо, задают много вопросов. Память о войне жива.

– Что бы вы пожелали сегодняшним подросткам – школьникам XXI века?

– Чтобы больше задумывались о своей будущей жизни. Каждый прожитый день уходит в прошлое, его не вернешь, не наверстаешь. Как важно дорожить каждым днём, каждым часом!..

Главное, прожить жизнь так, чтобы в старости не было стыдно за прожитые годы!

Беседу вела Ксения Шахова

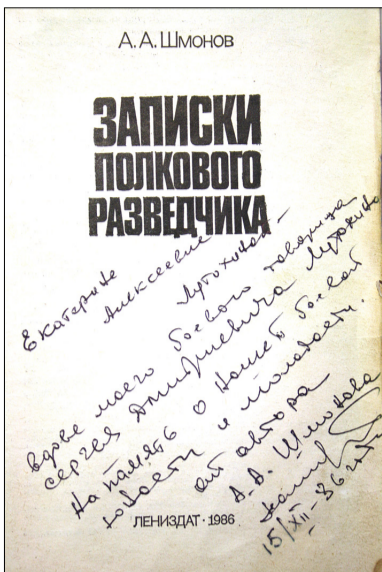
ЧТО Я ЗНАЮ О ВОЙНЕ?

Что знают о войне современные школьники? Думаю, дату Великой Отечественной может назвать каждый. Но если спросим, к примеру, о Сталинградской битве, то в большинстве случаев молодые люди не смогут ответить, где находится Сталинград и как сейчас называется город, кто победил в этом сражении? Почему же наше поколение стало превращаться в Иванов, родства не помнящих?

Есть такое изречение: «Если хочешь изменить мир, прежде всего надо начинать с себя». Изучая историю Великой Отечественной войны в школе, я заинтересовалась, как она повлияла на судьбу нашей семьи и обнаружила много любопытных фактов.

Например, никогда бы не подумала, что такой тихий и скромный прадедушка — настоящий герой.

Из рассказов бабушки можно было догадаться, что он служил в разведке, но о его подвиге стало известно только тогда, когда я действительно начала собирать сведения о военном прошлом своей семьи. Многочисленные газеты, интернет-сайты и даже книга, которую написал однополчанин дедушки — все это помогло мне узнать достаточно много о том времени. Найдя официальный документ на сайте «Подвиг народа» — приказ по 332-му стрелковому полку 241-ой стрелковой дивизии от 25.02.44 №03/Н о

награждении Лутохина Сергея Дмитриевича медалью «За отвагу», я едва справилась с эмоциями. Ведь именно мой родной прадед смог в одиночку расстрелять 11 фашистов, обороняя наши рубежи. Пуля несколько раз пролетала в сантиметрах от его головы. Я была очень горда тем, что он защищал Родину, рискуя своей жизнью.

После этого мне захотелось больше узнать о судьбе моего второго прадеда, который также был на фронте. Он не любил говорить о том тяжелом времени, но иногда чувства и воспоминания одолевали его, и он рассказывал внукам о своей службе.

Эти истории были невероятными, словно отрывки из кинофильмов. Дед был шофером.

Возил хлеб в блокадный Ленинград по Дороге Жизни — именно по той улице, на которой я сейчас живу.

Однажды, когда дед находился в Малой Вишере, он и еще сотни русских солдат попали в окружение. Главнокомандующий 2-ой ударной армии генерал Власов

Там на него надевали деревянные кандалы и заставляли работать. Лишь в январе 1945 года военнопленных освободили советские войска.

Проследив судьбы своих предков во время войны, я захотела на собственном примере доказать сверстникам, что знать свою исто-

стуют ветеранов, звучат военные песни и поздравления. Но, к сожалению, нынче всё реже можно видеть подростков, возлагающих цветы 9 мая к могилам павших. Возможно, это происходит из-за того, что новое поколение воспитывается на других ценностях, с детства многим не привито уважение к былой славе, к нашему прошлому.

Так для чего нам стоит интересоваться историей? Мне кажется, чтобы даже через 100 лет наши потомки помнили тех, кто ценой своей жизни подарил нам мирное небо над головой. Недаром говорят: «Не зная прошлого, мы не имеем будущего».

Елизавета Лутохина

решил, что перейти на сторону Гитлера — единственный способ спастись. Оставшихся в живых солдат, в числе которых был мой дед, отправили в концлагерь. Ему удалось вырваться из этого «дома смерти». Четыре дня скитался по лесу. Случайно встретив литовского мальчика, попросил принести ему хоть немного еды, но тот предал его — привел немцев. Опять концлагерь, теперь уже строгого режима в Кострюне.

рию надо. Во время выступлений на всевозможных конференциях, конкурсах и мероприятиях для школьников мне хотелось донести до ребят, что Великая Отечественная война — это не что-то абстрактное и отдаленное, а реальное событие, отразившееся на судьбах каждой семьи.

Как-то раз я задала детям вопрос: «Что такое 9 мая?». Многие из них с удовольствием поведали, что это — День Победы, когда че-

ПИСЬМА, СОХРАНИВШИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Большие синие стены, огромные оконные рамы с потрескавшимися от старости снизу стеклами, прекрасная русская резьба на карнизах — все это отголоски прошлого, все это — вечная память о нашем герое.

Именно здесь, в этом старинном доме, в 1922 году родился мой прадед — Поликарп Петрович Пычкин. И, казалось бы, вся жизнь пройдет согласно старинным деревенским традициям: с малолетства работал, помогал родителям по хозяйству, потом обзавелся своим — женился на замечательной девушке Лизе. У них родились четверо детишек, создалась крепкая семья. Он получил множество наград и поощрений со стороны руководства колхоза — жил в почете и уважении односельчан. Однако привычный ход жизни был нарушен в 1941 году.

В апреле Поликарпа забрали в армию на переподготовку, которая продлилась до середины мая. А через месяц грянула война. Из рассказов родителей я знаю, что мой прадедушка участвовал в освобождении блокадного Ленинграда с переправкой через Ладожское озеро. Там он впервые был ранен и

отправлен на лечение в госпиталь в Вологду.

Потом ему пришлось побывать на западном фронте, принять непосредственное участие при взятии Кенигсберга, при штурме Берлина.

Тогда, в мае 1945 года, он действительно был в Берлине и

держал в руках подлинное знамя победы, установленное позже над Рейхстагом его однополчанином Егоровым.

Последствия разрухи ужасали уже на тот момент: миллионы погибших, сотни сгоревших городов, голод. Восстановить прежнюю жизнь, казалось, невозможно, однако избавить людей от крайней нужды было вполне реально.

Послевоенная жизнь принесла не так много радостей: после

демобилизации домой не попал. Елизавета Александровна получила письмо, в котором Поликарп Петрович сообщил: «Отправили на Украину на сельскохозяйственные работы». Спустя год его комиссовали по состоянию здоровья. В памяти навсегда останется день, когда за околицей появился человек в военной гимнастерке. На груди поблескивали награды — все они до сих пор хранятся в моей семье вместе с бережно прибранными и очень аккуратно приложенными письмами с фронта.

«Тогда я была еще маленькая, мало что понимала, но очень ждала своего папу и знала, что рано или поздно он вернется», — так теперь говорит моя бабушка. «Я запрыгнула ему на руки и крепко-крепко обняла, не понимая, что каждое движение для него — подвиг: ещё давали о себе знать полученные ранения».

После войны ему вручили заслуженные медали: «За Отвагу», за взятие Кенигсберга, за штурм Берлина и многие другие.

Мой прадед умер 14 апреля, в день своего рождения. В этот день дом всегда полон гостей. Мы собираемся, чтобы еще раз вспомнить и прочесть те вечные письма, которые он адресовал когда-то своим родным.

Артём Шибанов

«СЕСТРА, ТЫ ПОМНИШЬ, КАК ИЗ БОЯ...»

Мой папа недавно поведал историю, которая навсегда осталась в его сердце.

В июне 1941 года он, совсем ещё маленький десятилетний мальчик, отправился погостить к родственникам в Великие Луки, а возвратиться не успел — началась война. Пришлось остаться и вдали от дома наблюдать за происходящим.

В этот город тогда прибывали санитарные поезда с ранеными, и папа, как и его сверстники, часто ходил встречать эшелоны: помочь бойцам, побыть в окружении солдат, послушать их рассказы, да и просто посмотреть на героев, которые мужественно сражаются за наши земли...

Однажды среди них отец увидел молодого лейтенанта с перевязанной рукой и повязкой на голове, который, пока разгружали вещи, сидел на земле и... плакал.

Картина была настолько необычной, что мальчишка, как вкопанный, стоял и молча смотрел на него. Хотелось подойти и успокоить, но происходящее настолько поразило его, что он и с места сдвинуться не смог.

К лейтенанту подбежала медсестра. «Не болит ли у вас что?» — спросила она.

Лейтенант ответил не сразу. Он пристально посмотрел на неё и, покачивая головой, попытался что-то сказать. Но слова, видимо, застревали в горле, и каждую фразу ему приходилось буквально выдавливать из себя.

«Сердце у меня болит», — прошептал он и поведал душераздирающую историю.

Как известно, первый удар приняли на себя пограничники, в том числе и этот молодой лейтенант. На его погранзаставе было очень много молодых ребят, которые с достоинством защищали честь своей страны. Все хотели, конечно же, жить, мечтали о семьях и о мирном небе над головой. Но судьба распорядилась иначе. Большинство погибло в бою.

Боль казалась невыносимей и оттого, что все эти ребята были однокурсниками. Так сказать, ребята с одного двора... Ведь в то время стать пограничником было очень престижно, они пользовались большим уважением у населения страны. И многие, окончив десять классов, отправлялись именно в погранвойска.

Лейтенант плакал... И повторял лишь одну фразу: «Что я скажу их родителям? Что же я скажу?»

Произошедшее врезалось в память настолько, что эта история — первое, о чем думает папа, когда его спрашивают о войне.

Анастасия Катышкина

Блокадный Ленинград. Начало...

Война застала врасплох. Отца сразу забрали на фронт. При первой возможности мы с матерью отправили всех младших в деревню, в Калининскую область. Мне пришлось идти работать. Как только началась война, все предприятия, какими бы они ни были, стали работать на армию.

Когда мне было 16, я работал на производстве МЗТ — малозаметных препятствий. Это наподобие колючей проволоки, знаете? Работал я, работал, а потом такая тяжесть начала подступать... В этот же месяц карточки стали выдавать, еды было мало. Кушать-то очень хотелось, и мы ходили, искали землю, пропитанную сахаром. И потом без всякого кипячения (воды тоже уже не было) ели эту землю. Правда, мы ломали мебель, которая ещё оставалась в домах, и растапливали ею печки. Землю замёрзшую разогревали и прямо вот так жевали её, пропитанную сахаром. А потом выплёвывали... Сахар, как есть — жжёный сахар! Очень вкусно!

Физическая сила терялась довольно быстро. Вот представьте, если вас денёк-другой не покормят, сможете вы полноценно работать?! Если не подробно рассказывать, то дело кончилось тем, что я стал дистрофиком и ходить не мог. Вот, смотри этот документ — тут написано: «Дистрофик третьей группы». Если не изменяет память, то в 23-й поликлинике на Боровой улице выдан. Я был тонкий-тонкий... Отец позже приехал и помог мне устроиться в тепло. Ещё бы пара недель — и меня не стало бы.

Блокадный Ленинград. Оживление...

В апреле 1942-го вроде бы уже трамваи пошли! До этого пешком ходили на большие расстояния. А тут электричество с Волховской ГЭС стало поступать, и запустили пять трамваев! Пусть немного, но хоть что-то! Я ходил тогда с большой тяжестью: опора была постоянно. Помню, как ругались все в трамваях, что я медленно забираюсь. А я-то что мог поделать? Мне нужно было за поручни взяться и медленно закидывать ноги на ступени.

Так как парень я был молодой, мной заинтересовался военкомат... Ходил в столовые около Обводного канала и на Московском проспекте. Там было организовано питание: два раза по тарелочке дрожжевого супа и чечевичной каши давали. Кашу очень любил! Мне ещё 18-ти не было, а меня призвали. Я тогда уже поправился немного: весил 46 килограмм!

Начал учиться в школе радистов. Там нас учили морзянке (Азбука Морзе. — Прим. ред.) и работе на разных радиостанциях. Через пару месяцев обучение закончилось. Обещали тем, кто все зачёты сдаст, в последний день увольнение дать. Думали, что в субботу пойдём отдыхать, а за нами машина приехала. Забрали в танковую бригаду радистами. Из тех радистов, что тогда со мной были, в живых остался один Колька Веселов, с которым я начинал службу.

В танковой бригаде мы пробывали немного, потом отправились к Смольному — учиться. Опять учиться! Но уже на более мощных радиостанциях: Север-бис, РББ, РБМ — это для разведчиков. Они на боевых, на танках были.

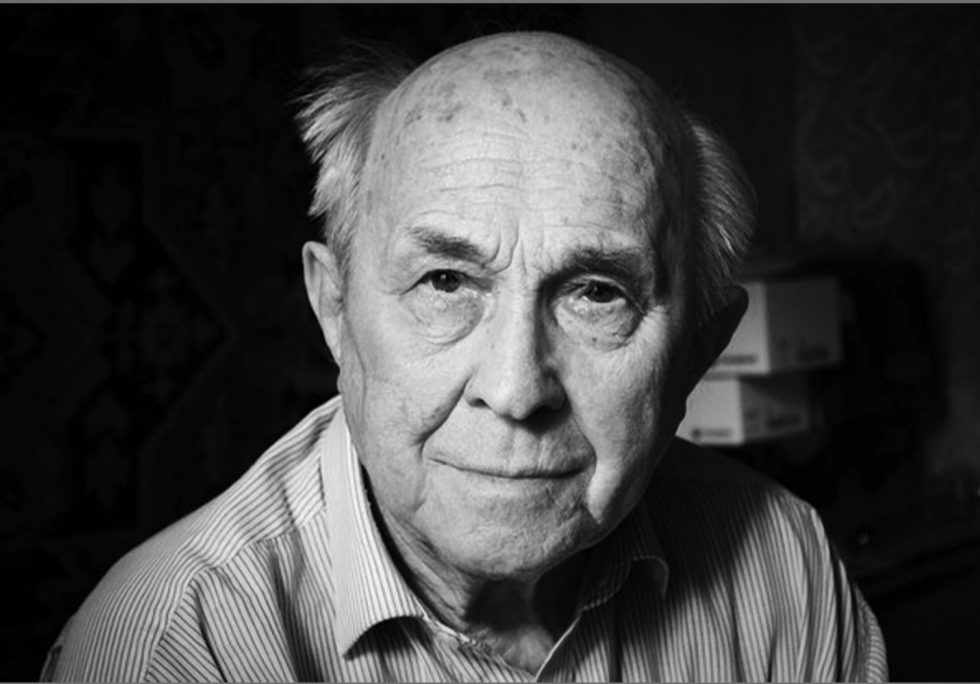
За кольцом...

Мы хоть и прикомандированные были, но наступил 1943-й. И мы тогда в прорыве блокады участвовали в районе Марьино. Я был радистом танковой бригады. Как-то раз одна часть мне не отвечает. Понимаю, что что-то не так. Начал проверять передатчик свой — я уже обученный был. Излучение от моего передатчика есть, значит, проблемы у них. Я попробовал передатчиком чуть-чуть покрутить — изменить частоту. Смотрю: они меня услышали! Оказалось, что паренёк вообще не радист. На 220-ю бригаду налёт был, и радист погиб... Ну, а парнишка, так как немного разбирается в технике, пытается вызвать кого-нибудь. Как говорится, инициатива всегда наказуема. Меня посадили на броневик БА20 и сказали, что поеду вместе с каким-то начальником помогать 220-й бригаде. При налёте фашистов ранили командира той части, и нужен был другой — Заместитель Командующего БТМВ Ленинградского фронта Салминов. В общем, я его сопровождал. Так, пообщались — чисто по-

«...Эта — «За отвагу», эта — «За боевые заслуги», а эта — «За взятие Вены», — показывал мне свои медали ветеран Второй Мировой Валентин Петрович Ипатов. «А вот это — орден Красной Звезды и орден Отечественной войны I степени». Медали висели на стене в большой застеклённой раме, каждая на своём, чётко отведённом месте. И каждая из них — это символ героизма!

Валентин Петрович Ипатов родился 23 ноября 1924-го года в Тверской области. В 1937-м он с семьёй переехал в Ленинград. Война застала его 16-летним мальчишкой, который не успел закончить последний год учёбы в школе. В январе 1943-го участвовал в прорыве блокады Ленинграда, будучи радистом 67-й армии. Получил несколько ранений и контузию. В 1946-м году участвовал в первом параде танкистов в Москве. В 1947-м был демобилизован, работал в трамвайном управлении. Окончил АГУ. С 1953-го года — начальник учебной лаборатории. В 1958-1987-х годах служил в отделе Правительственной связи.

Я встретилась с этим замечательным человеком у него дома, и за чашечкой чая он рассказал мне о множестве запомнившихся ему моментах и интересных случаях, которые слились в единую жизненную историю...

В.П. ИПАТОВ:
**«ВОЙНА ЕСТЬ
 ВОЙНА: КОМУ
 КАК ПОВЕЗЁТ!»**

мальчишески! Как только туда приехали, он приказал нас накормить хорошенько!

Ещё я был в танке-ресторане. Только не думай, что это был действительно ресторан. Это был обычный ТЗ4, но пушка у него была бутафорская. В обычном танке солдат, как мышшь в норке, — не пошевелится. Вокруг 60 снарядов, а во время боя ещё кучу ящиков напихаешь! Тесно, понимаешь ли. А танк-ресторан свободный. Снарядов нет, только один пулемёт оставили. Зато поставлена очень мощная радиостанция. Обычная ловит в радиусе 5-6-ти километров, а эта связь давала на 15-20 километров! Представь себе, насколько мощнее была!

Три раза налетал «Мистер Шмит», а на четвёртый его сбили. Мы побежали посмотреть. Лётчиком там был паренёк лет девятнадцати, с фашистским крестом... Тоже ведь молодые ребята воевали.

Ещё видел знаменитого «Тигра»! Мощная машина, очень мощная. Удалось внутрь заглянуть, мельком, правда, но всё равно до сих пор помню. Потом его отправили советским учёным, чтобы те совершенствовали нашу технику. А то ведь советское оружие, как и народ, к войне готово не было. Поэтому и неудачи терпели поначалу.

Ленинград свободен, а война продолжается...

Когда мы блокаду прорвали, нас командировали обратно в свою часть. Задача была наступать на город Пушкин. Когда мы находились в Александровке, там несколько интересных моментов было.

Радиосвязь была плохая, и мне, чтобы связаться с другой частью, пришлось выйти

на траншею, которая была на насыпи на железной дороге Москва-Ленинград. Тут подошёл начальник и говорит, что в окопе срочно хотя бы что-то спросить. И только я пару шагов сделал, снаряд падает в то место, где я только что стоял! Сколько мы ни видимся теперь с командиром, он всё время напоминает, что жизнь мне спас! Вроде в шутку, а ведь и вправду — спас.

Как-то раз отправили меня в Колпино. Я быстренько вскочил на полторку. А машина, на которой нужно было ехать, была продовольственная. Много-много термосов полукруглых с кашей было в кузове. Пока ехали, немец начал обстрел. Да ещё дорога была скользкая и вся в ухабах. Машинист дал газу, я на корточках в углу сидел. Вдруг один термос открылся, и меня рисовой кашей окатило с ног до головы. Я глаза протёр, облился, что смог, и в таком виде двинулся дальше в путь! Потом, сколько бы я ни приходил кушать, повар всегда говорил мне: «Не надо тебе каши! Я тебя и так уже накормил!», а сам-то мне побольше накладывал.

Помню, поразила меня одна вещь: как-то сломалась радиостанция, и меня отправили обменивать её. Нужно было за ночь дойти до Смольного, взять другую и вернуться обратно. А ведь зима, холодно, голодно, да и я не такой сильный ещё был. В общем, набрался смелости и зашёл в посёлок какой-то, попросил у людей саночки! Представь себе: ночь, незнакомый человек, никаких гарантий, что вернёт обратно. И ведь дали! Я радиостанцию на них положил и уже налегке добрался до места назначения. На обратном пути зашёл и вернул санки. Такое приятное ощущение на душе было. Ведь могли сказать: «У меня нет!»... Тогда все помогали друг другу, чем могли.

Продолжение войны...

Как-то раз вижу: на земле валяется повреждённый осколком автомат. Подумал сразу: «Так ведь и с человеком может быть». Буквально через секунду в меня влетает осколок и распарывает бок! Рана была 4см на 18см. Меня сразу в полевой госпиталь отвезли. Народу там тьма была: очень много раненых. Как только врачи успевали? Они такие молодцы! Долго меня потом возили по разным медицинским частям и больницам, так как операций несколько было. Последнюю очень хорошо помню: нужно было кусочки кожи вставлять. Сначала предложили от другого кого-нибудь взять — с такой же группой крови, чтобы мне не так больно было. Но я отказался: уж лучше своё. Положили меня, и без наркоза начали обрезать мне старое мясо, чтобы гнили не было. А потом с голени вырезали у меня 3-4 кусочка и вставили их мне в рану, плотно друг к другу. Засыпали каким-то жёлтым порошком, и началось моё выздоровление. Через четыре месяца был на ногах: врачи — настоящие волшебники!

Затем нашу часть на баржах перевезли в город Ломоносов. 14 января 1944-го года началось наступление со стороны Ораниенбаума. Там болотистые леса: надо щиты строить, ведь тяжёлый танк может провалиться в любой момент. Помню, как погиб начальник наш. Стояли, не в бою, разговаривали с ним. Вдруг он падает. Когда перевернули его, увидели, что в мозжечок осколок попал. Немец проклятый пытался показать, что у него ещё силы остались, и вел обстрел. Не сильный вовсе, но в нужного человека попал... До боя успели его похоронить, координаты написали.

Потом мы прошли по Австралии через городок Баден-Баден. 12 апреля взяли Вену, прошли дальше... Так закончилась война. И я отправился домой.

Послевоенные годы...

В 1946-м послали меня от южной группы войск в Москву на парад Танкистов. Нас всего 10 человек поехало. Момент один помню: выдали нам билеты на поезд. Мы купили коньячку, чтобы встретиться с Москвой. Сели в вагон, разлили по кружкам: «За встречу с Родиной!» А там не коньяк был, а чай крашенный! Вот было обидно — обманули нас!

Война, конечно, нарушила планы, но не все. Я с детства знал, что моё — это техника. Так и получилось. После войны пошёл в 10-й класс: закончил школу. Потом поступил в университет на кафедру радиофизики. Так что свою жизненную линию сдержал!

А что сейчас?..

Остался у меня один Колька Веселов. Как начинали с ним, так до сих пор общаемся. Один он у меня живой. Было-то нас четверо приятелей. Дружба помогала выживать...

Недавно принесли из архивов Кировска документы, и я узнал, где похоронен отец. Для меня это так важно. Я многих близких похоронил... Последним ударом были жена и дочка. Так больно терять близких людей.

Бывает, меня в школу приглашают проводить уроки Мужества. Спрашивают: «В какой класс пойдёте?» А я отвечаю: «Только в девятый! Он родной!». Смотрю на ребятшек — такие маленькие! И ведь я был таким же, когда война началась!

Передо мной сидел мальчишка, парень, мужчина, старик... Его глаза при расказе о каждом эпизоде менялись... Он то сдерживал слёзы, то размахивал руками, то смеялся. Уходя, я опять остановился рядом со стеной, на которой висела рама с медалями. Когда только пришла в гости к ветерану, не обратила внимания на множество фотографий, висевших вдоль всего коридора. Но после нескольких часов расказа героического человека о своей судьбе, своей родине, своих друзьях и своей семье каждая фотография приобрела определённый смысл...

В жизни так много потерь. Каждая из них делает нас сильнее. Прощалась я уже не с немощным пенсионером, а с сильным и мужественным Героем! Героем не только на войне, но и в мирной жизни.

Арина Шмелева
 Фотография автора

— Десять лет я проработала в травматологии в Московском районе, затем двадцать восемь — в первой в Ленинграде косметической поликлинике, между прочим, лучшей в России. Знаю и очень люблю оба дела!

— А сейчас не работаете?

— Я всю жизнь занимаюсь общественной деятельностью. Сейчас выполняю обязанности члена Совета ветеранов войны, правда, к сожалению, сегодня в моём ведении всего четыре человека из бывших восемнадцати.

Никогда не пройду мимо несправедливости. Однажды ехала с внучкой в метро, и женщине напротив стало плохо. Я мигом положила её на сидения и только спросила: «Голова или сердце?». Потому что при спазме сосудов головного мозга нитроглицерин давать нельзя, а сердцу он поможет. В итоге сообщила машинисту уже готовый диагноз. Самое удивительное в этой истории, что, когда я вышла из вагона на своей станции метро и направилась к эскалатору, по громкой связи объявили: «Женщина, оказавшая медицинскую помощь! На «Площади Восстания» (то есть на следующей станции) уже ждёт машина «Скорой помощи»».

Да и на работе всегда, если нужно было навести порядок, обращались ко мне — разберусь, не посмотрю на должность. Так что мне всегда некогда, живу по часам.

Она предложила пройти в уютную картинную комнату. Теперь несложно было догадаться, чья картина чуть ранее так поразила мне в подъезде. Да и герберы искусная рука хозяйки изящно поместила в стеклянную узкую вазу.

Мы уселись в тёплых, мягких креслах, и собеседница начала свою историю жизни в блокаду.

— С начала войны мы остались вдвоём с сестрой Ниной. Мама работала врачом на Кировском заводе и до улицы Чайковского, где мы жили, не могла добираться чаще, чем раз в неделю. И всегда, возвращаясь, не знала, живы ли дети.

Уже осенью 41-го (я тогда была в шестом классе) в школе перестали учиться... А тем, кто всё-таки приходил, выдавали горячий суп из хряпы, чёрных капустных листьев. Учительница из бидончика наливала каждому по поварёшке. И я думала, какая же она злая! Давала почти одну воду: в миске не плавало ни одного листочка. Никогда не забуду, как после уроков сказала однажды: «Ты проводишь меня домой, неси бидон». Я и сама тогда еле ходила. Прекрасно понимала, что несю то, что нам положено: именно поэтому я получала воду.

Дважды у нас крали карточки: прямо из дома пропадали. Трудно было подозревать одноклассницу моей сестры, она ведь знала, как мы голодали! А между тем в ту пору она была единственной гостьей. Потом, однако, наши опасения подтвердились. В общем, оставшись без карточек, питались картофельными очистками, которые мама сестра привозила... Где-то картон нашли: размачивали его и делали лепешки.

Вот так рецепт! Лепёшки из картона, признаться, потрясли моё воображение. Никогда бы не подумала о картоне, как основе для теста.

— Расскажите, пожалуйста, о вашем блокадном быте.

— Когда слышишь, как люди во время блокады жгли свечи, понимаешь, что жили они очень хорошо. Такой маленький штрих, а о быте того времени скажет очень

С МАТЕМАТИКОЙ ПОМОГЛА «МАДАМ БОВАРИ»!

Солнечным весенним днём с тремя герберами в руках и фотоаппаратом наперевес отправилась я после школы на Тверскую улицу. В автобусе добродушные попутчики с удовольствием обеспечили мне «легкость» пути, взяв на колени всю мою «экипировку», а когда пришло время выходить, громко крикнули вслед: «Хорошо погулять!». Может, вид у меня действительно был торжественный, но ехала я отнюдь не развлекаться, а встретиться с ветераном Великой Отечественной войны, участником обороны Ленинграда — Раисой Семёновной Прокофьевой. На просторной площадке в подъезде замечаю картину на стене. Ну, думаю, как красиво и со вкусом сделано! Наконец, подхожу к долгожданному номеру квартиры, а у порога меня уже встречает... энергичная, интеллигентная молодая женщина в модном сером кардигане. Я чуть было не растерялась: так и хотелось позвать, всё-таки, моего ветерана.

Прием мне, надо сказать, был оказан со всеми почестями. Я только имела удовольствие восседать на «кухонном троне» (да-да, я не ошиблась, на «стуле» у меня язык не поворачивается сказать) и наблюдать, с какой изысканностью и любовью накрывается на стол. Во время чайной церемонии (и здесь не преувеличиваю) Раиса Семёновна рассказала о том, чем занималась в мирное время.

много. Мы могли использовать только две спички в день: утром зажечь коптилку и вечером.

— Не совсем представляю, как пользовались коптилкой...

— Наливали в баночку керосин, клали туда тряпку. И она, пропитанная, горела. Потом делали длинные лучины из книжных стеллажей (книг уж почти не осталось, сожгли), зажигали и ходили так по дому.

Так вот, о быте: поначалу за водой ходили на Неву. Но после того, как я чуть не соскользнула в прорубь, стали собирать снег с газонов (на нашей улице всегда было зелено): потом дома растапливали.

Однажды шли мимо цирка с сестрой. Думаем, что там такое? Люди собрались вдоль рельсов (трамвай не ходили). Тогда все носили противогазные сумки для мисок, ложек — мало ли что-нибудь перепадёт. Оказывалось, прошёл трамвай, который вёз вино. И разбили бутылки. Вино вытекало вдоль рельсов, и горожане собирали красный снег. Кто сразу ел, кто в котелок набирал...

А в январе 1942-го я попала в больницу с дистрофией третьей-

четвёртой степени: в тринадцать весила всего 25 килограммов. Помню, положили на мокрый матрас со словами: «И эта до утра не доживёт». Вскоре после обеда буфетчица подаёт мне вдруг тарелку клюквенного киселя, большую, но неглубокую. Этот красный круг на тарелке никогда не забуду! В тот момент я себе твёрдо сказала: «Теперь буду жить!». Вот тогда я девочкой осознала, какая огромная сила внушения! Человек может приказать себе жить! Эти обстоятельства «сделали» меня: не говорю лишнего и отдаю отчёт каждому своему слову.

Утром буфетчица приносила ложку сахарного песка. Потом хлеб, затем кашу. Моя тётка была врачом в этой больнице. Приходила ко мне и всё ругалась: «Опять съела! Ты понимаешь, что хлеб — это лекарство, нужно принимать его три раза в день!». А я не могла удержаться. Со мной лежала женщина, и я просила её одолжить хлеб на время проверки — была счастлива, что человек доверяет свой кусочек.

В прихожей звонит телефон. Раиса Семёновна отлучается на полминуты, но и этого

времени достаточно, чтобы заметить про себя справедливость слов Оноре де Бальзака: «Наблюдательность обостряется от страданий». В минуты невзгод, кажется, душа становится тоньше, восприимчивее, и способность ценить просто искренние моменты в жизни заметно увеличивается: радостно оттого, что доверяют кусочек хлеба!

— А как с учёбой? Вы вернулись в школу позже?

— В начале марта 1943 года в школьном дворе увидела объявление: «Требуется ученица швей, хлебная карточка — 250 г хлеба». Бросила учёбу и пошла в промкомбинат, в швейно-пошивочный цех. Мы шили сумки для летчиков. Строчили ремни для сумок. Потом в октябре 44-го походила немного в восьмой класс, понравилось. Но по совету мамы поступила в Фельдшерскую школу на базе Педиатрического института.

— Интересно, на чём писали школьники?

— Математику я писала на романе Гюстава Флобера «Мадам Бовари» —брала книгу, листы ко-

торой не пропускают чернила. Таким образом изучила его вместе с математикой.

— Приходилось сталкиваться с бессердечностью людей?

— Как-то начался обстрел. Тревога поднимается, когда самолет уже летит над центром города. И мне некуда деться, я оказалась на Литейном. Скорей нырнула в парадную прокуратуры, а там: «Выйдите вон! Вон отсюда!». Так и выгнали. Потом, когда закончилась тревога, подняла варежкой осколок снаряда. Им ведь могло убить меня! Долго хранила в моде...

— Может, помните и самоотверженные поступки?

— Могу сказать, что немцы сами страдали, продуктов и у пленных не было. Как-то на улице Чайковского попала бомба в роскошный дом князя Богоявленского. Ещё не кончилась война, а немцев заставили отстраивать этот дом. Огородили досками, чтобы не убежали никуда. Они в щели вытягивали руки, чтобы получить хоть капелку съестного. И хотя у самих было мало хлеба, но мы давали. Нас могли застрелить: стоял солдат с винтовкой. Но мы их жалели... Вот что значит русский человек!

И ещё, когда блокада закончилась, шли по Невскому проспекту бойцы Ленинградского и Волховского фронтов, чтобы соединиться. Такие все истощённые, изнурённые! Был май, стояла жара: шинели расстегнуты, пот течёт. Чёрные были все от пережитого холода, голода... И тут люди устроили передачу воды. Кто что мог протягивал: стаканы, чашки, миски. А они не могли остановиться ни на секунду... На ходу возвращали посуду.

— Скажите, снятие блокады почувствовалось сразу?

— Нет, были такие же обстрелы, бомбёжки: стреляли просто так, чтобы морально подорвать ленинградцев.

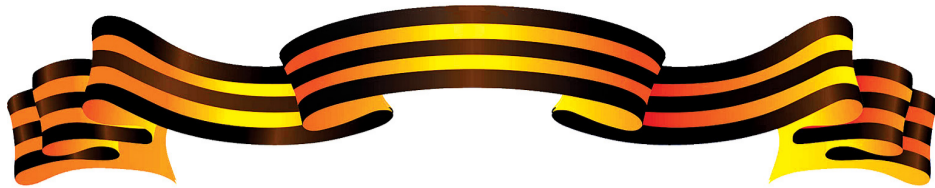
В 44-ом, за неделю до снятия блокады, была такая канонада! И мы все знали: может, на разобьют, и тогда окажемся в плену. Гитлеровцы сбрасывали листовки: «Мы Кронштадт сделаем морем, а Ленинград — полем». Причем они в «Астории» запланировали уже праздник, и приглашения были розданы. Представляете, все это читать? Думала, не может быть, чтобы немец мог сюда прорваться. Проекторы светили все время... Неделю ни секунды не смолкало. И вдруг... объявили полное снятие блокады! Я мигом сорвала одеяло с окна, выскочила на улицу. Был такой салют! Люди, совершенно незнакомые, шатаясь, обнимались, целовались.

— А сейчас празднуете День снятия блокады?

— У меня три праздника: День снятия блокады, День Победы и Пасха.

Как-то сидим мы за столом 9 мая. А у нас роскошный зал в центре дома, лепные потолки пять метров — лепка сделана из казеина. Сидим и вспоминаем с сестрой, как лежали и думали: «Забраться б на потолок! Как бы мы лакомились казеином!». А для этого нужно было шкаф придвинуть к люстре, на шкаф поставить стол, на стол — стул и ещё маленький стульчик. Но сил тогда не было. «Представляешь, — смеёшься. — Как бы нам стыдно сейчас было: потолок съели. Кошунство ведь — есть предмет искусства! Какое счастье, что не добрались до потолка!».

Беседовала Юлия Вальтер

ЖИВУ, ПОТОМУ ЧТО ТАК НАДО

Мало кто вел дневники во время войны, — не до того было. А если кто и вел, то вряд ли они сохранились. А если даже и сохранились, наверное, мало, кто их читал... Я попыталась представить, как могли бы выглядеть дневниковые записи фронтового фельдшера Виктора Александровича Захарова, если бы он нашел силы и время записывать то, что с ним происходило во время Великой Отечественной войны.

Сегодня наша очередь нести гарнизонную службу. Наш взвод отправили на харьковский военный аэродром. Была тихая ночь... и вдруг шум, яркие лучи прожекторов. Впервые я увидел, как ловят светом вражеские самолеты. Мы начали стрелять из всех видов оружия, которое было с собой. Конечно, не попали. Только в Харькове ракетчики сбили самолет. Кажется, началась война!

Мне только 21 год, а уже придется распоряжаться судьбами людей.

Назначили командиром санитарного взвода. Говорят, люди в такой должности удерживаются в среднем три дня, а дальше либо погибают, либо — лечиться в госпиталь. Сегодня выезжаю.

Ночью был первый бой. Темно, трудно разобрать, где свои, где чужие.

Мы ориентировались по стрельбе: немцы были вооружены, в основном, автоматами, поэтому часто и заливисто стреляли, а их мина, когда летела, — скрипела. У меня из оружия только наган был. Откуда-то стреляли, я пытался все свои семь патронов туда выбить. А попадал, не попадал, — не знаю. В итоге всего двое раненых, пулями. Один в бедро, другой — в грудную клетку.

Самое главное слово во время войны — «надо». Этот глагол всеобъемлющий. Идти в разведку — надо, тащить раненого — надо.

Сегодня я видел смерть. Неожиданную и оттого особенно ужасную.

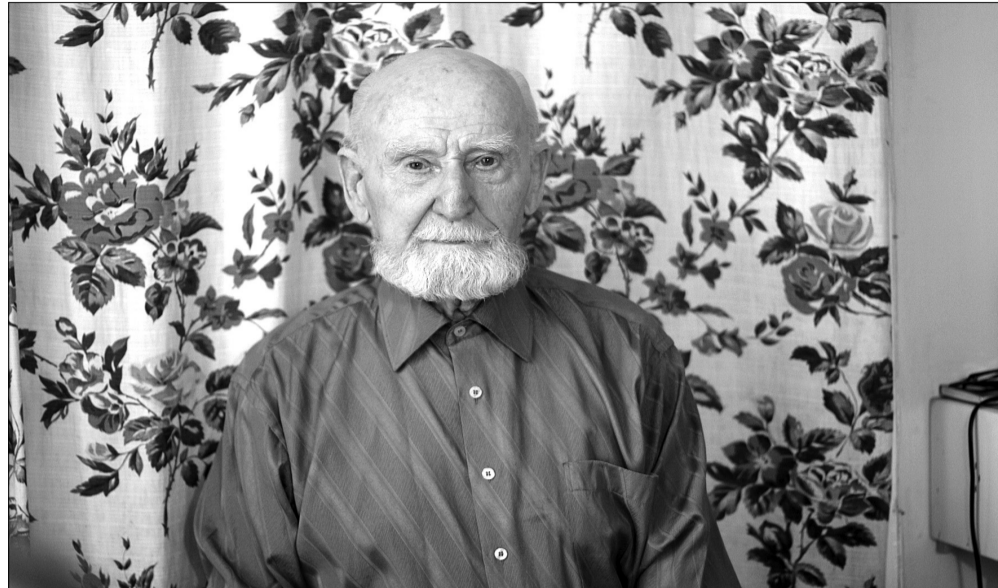
Санитарструктор одной из рот батальона отправился ко мне в медпункт, а он ведь находится всего в полукиллометре от траншеи. Шел рано утром. Я выглянул из землянки и увидел, что из пулемета в него, издали, метров с семисот, очередь прошла. Вижу: упал как сноп. Я — к нему, пощупал пульс, а его уже нет. Товарища ранило в бедро и перебило бедренную артерию. Кровь вылилась, — он умер в течение двух минут.

Санкт-Петербург, несмотря на свою «юность», пережил множество тяжелых испытаний. Среди них была и блокада Ленинграда, памяти которой сегодня посвящены многие мемориальные музеи и выставки. Корреспондент газеты «Эпиграф» посетил их все и выбрал самые лучшие.

Самый большой

По адресу Соляной переулочек дом 9 находится городской Музей Блокады. Его история по-настоящему удивительна, ведь экспонаты для первой выставки собрали еще в военное время. Среди них были агитационные плакаты, газеты, карты, документы, картины и скульптуры участников сражений. Но официальной датой открытия принято считать 27 января 1946 года (вторая годовщина снятия блокады Ленинграда).

После войны музей пережил много различных потрясений: репрессии, «Ленинградское дело», закрытие под предлогом реконструк-

Сегодня пришла моя очередь. Ранен в ногу. Отправляюсь в Сталинград.

Нога заживает. Снова начинаю ходить. Сидеть без дела не могу. В операционной — помогаю медсестре делать раненым эфирный наркоз. Слежу за пульсом, выдвигаю челюсть, чтобы язык не западал.

Все еще в госпитале. Хожу уже хорошо. Теперь помогаю хирургу. Она — девушка хрупкого телосложения, руки у нее слабые. Когда надо «откусывать» обмороженные косточки, у нее не хватает сил. Я вместо нее, по-мужски, их отламываю. Как только она раньше в одиночку справлялась?

Сегодня я, наконец, вернулся на фронт, в свою часть. Говорят, это редкость, но мне, как медику, написали специальное направление из госпиталя. Я определил, где стоят однополчане, по открыткам, которые они мне присылали. Ночью снова «первый» бой...

Теперь я отвечаю за меню: со мной советуются, что готовить. А что готовить, когда есть только перловая крупа и пшеничная крупа, а вместо мяса — одни кости? И как тут не задуматься о тех, кто не нюхает войны, кто «смотрит на нее с балкона»? Ведь кто-то сейчас спит, разувшись, меняет белье, когда ему нужно, и может горячую пищу поесть...

Моя первая «разведка боем». На спины нам пришли белые прямоугольники из

марли, чтобы отличать друг друга в темноте. Пока на соседнем участке имитировалось наступление, мы тихонько, перерезав сначала свои, а потом немецкие проволочные ограждения, просочились вглубь расположения немцев. Через какое-то время, заметив нас, они открыли стрельбу, стали окружать. Раз мы туда вошли, живыми они не собирались никого отсюда выпускать. Поэтому командиром взвода был дан приказ: «Всем, кто может, отстреливаясь, забирать с собой раненых и убитых». Эту ночь я запомню надолго.

Сплю мало. Днем. Пока идут бои. Ночью много работы. То, что мне приходится делать — это мой кровавый труд. А война — это массовый кровавый труд.

Самое ужасное в отступлении — оставлять своих раненых солдат в населенных пунктах немцам. И каждый понимает, что не всегда у местных получится спрятать их от врагов и выходить. А забрать всех невозможно, потому что не хватает транспорта, чтобы их перевезти.

Подшли к Ростову, в станицу Ольгинскую. Немцы начали обстрел. Я забился в низенький неприметный кустарник посреди поля и лежу. Налетели самолеты, — положили вдоль улиц штук двенадцать бомб. Один заход, второй, еще один. Пыль. Дым. Гарь. Я встал, отряхнулся, прочихался, решил перебраться к своим. И вижу: на телеграфном столбе вниз головой висит связист, и у него полчерепа нет. Я поздравил ребят и смог только сказать: «Давайте, хоть положим его на землю нашу...»

Туапсе. Горы. Неудачно повоевал с танком. Обычно они высоко не поднимались, но один подошел близко к моему медицинскому пункту.

Пришлось кидать в него гранату. Автоматчики засекли меня и срубили.

Наглотался пуль.

Отправляюсь в госпиталь — долгая дорога. Поездом до Сочи, потом паромом до Сухуми, оттуда в Баку и в грузовом, в трюме — в Среднюю Азию, в Самарканд. Но возмущаться не приходится. Двойной перелом челюсти и повреждение корня языка — не то, что разговаривать, даже есть нельзя.

Меня послали в отдельную роту связи. Но «новая» война началась не только для меня. Мы начали наступать! Мы начали брать немцев! Их раненые теперь остаются у нас, так же, как наши оставались у них в первые годы войны.

Сегодня вспомнил, что такое лечебное дело. Связисты подорвались на mine, когда протягивали провода. Первому наступившему оторвало голень, а второму сильно побилось осколками низ живота, но проникающего ранения не было. Пока ухаживал за ними, понял, как сильно лечение отличается от оказания первой помощи.

«Помогите, немцы нас атакуют!» — буквально каждые 10-15 минут обращались чеки к русским братьям. Я стал свидетелем, как нашим войскам была дана команда двинуться из-под Берлина обратно к Праге. И тогда понял, что они своими спасенными жизнями будут нам обязаны, что не смогут об этом забыть и не должны забывать. Они будут нам благодарны.

Ночь. Асфальт. Никого нет. Я еду тихо, фары горят слабым светом, так что дорогу видно не дальше, чем на метр. Из Будапешта. Ориентируюсь по карте. Вдруг слышу отборный русский мат: «Куда ты...? Там же немцы всего в километре!».

А говорят, чудес не бывает.

Пять лет войны. То, ради чего вся страна жила эти годы, наконец, свершилось. Мы выиграли войну!

**С записями знакомилась
Анна Соколова**

ЖИВОЙ АРХИВ

ции и уничтожение многих экспонатов... Но сегодня он продолжает работать, регулярно проводит выставки и экскурсии по постоянной экспозиции из личных вещей ветеранов, постепенно восстанавливает картотеку жителей блокадного города. Двери этого удивительного заведения открыты шесть дней в неделю (кроме среды).

Самый молодой

Этой зимой в школе №340 Невского района открылся новый музей, посвященный поэтессе Ольге Берггольц, которая стала голосом блокадного Ленинграда. Работа над экспозицией длилась несколько лет, и в ней принимали участие не только уче-

ботала «муза» блокадного города, восстанавливали по фотографиям.

Сегодня музей разделен на четыре выставочных зала: «Комната Ольги Берггольц» (центром ее является большой письменный стол с печатной машинкой), «Блокада Ленинграда», «Место памяти», история школы и микрорайона. Ученики регулярно проводят экскурсии для всех желающих, а администрация планирует открыть зал для конференций и центр патристического воспитания детей.

Самый современный

В Петербурге есть еще один музей, посвященный блокаде. И он находится... в сети! Посетить его может каждый, ведь на

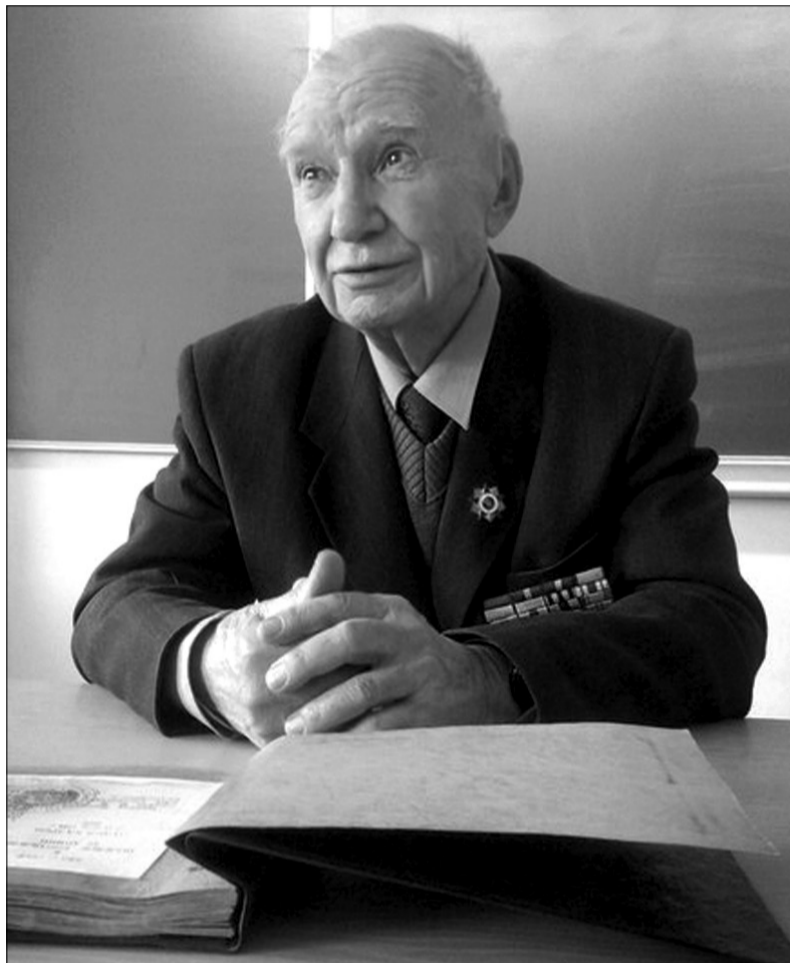
сайте <http://leningradpobeda.ru/museum/> открыта «постоянная экспозиция». И в отличие от множества реальных, электронный поражает своей информативностью и разнообразием. Там собраны и статистические данные, и радиовыпуски, которые транслировались в военные годы, и истории блокадного быта, и личные письма, воспоминания ленинградцев. Также на сайте есть возможность совершить интерактивный тур по городу и прочитать новости о проделанной работе по увековечиванию памяти воинов, погибших при защите Отечества в годы Второй Мировой войны.

В этом году отмечали 70-летие прорыва блокады Ленинграда. Многие петербуржцы несли цветы к памятникам воинской славы и вспоминали подвиги наших предков. Но музеи, о которых я рассказывала, хранят память о героизме горожан круглый год. Думаю, стоит их посетить и отдать дань уважения мужеству и стойкости.

Даша Маташина

«И НА ГРУДИ ЕГО СВЕТИЛАСЬ МЕДАЛЬ ЗА ГОРОД БУДАПЕШТ...»

Анатолию Ивановичу Стрелянову 91 год. Он ветеран Второй Мировой, военный пенсионер, полковник в отставке. После войны Анатолий Иванович поступил в Академию связи, где проучился шесть лет и получил сразу три высших образования: военное, техническое и политическое. Работал в центральном аппарате Министерства обороны, а пиком научной карьеры стала должность старшего научного сотрудника в Академии связи. В Интернете можно найти его книгу «Производство вычислений на программируемых микрокалькуляторах». Мы встретились с этим удивительным человеком и попросили рассказать о том, как сложилась послевоенная судьба.

С первого взгляда бывший фронтовик показался нам гораздо моложе своих лет: выглядит бодро, весело шутит.

В школе, куда мы пригласили ветерана, разместились в символичном для этой встречи месте — кабинете истории. Но чай с пирожными так остались нетронутыми: так много он хотел рассказать! Из старой, как нам показалось, ещё военных лет, кожаной сумки наш удивительный собеседник достал толстый синий альбом. В нём — копии фронтовых документов и фотографии Анатолия Ивановича с однополчанами. На лицах совсем юных парней — стальное выражение стариков, уже видевших войну, испытавших на себе её страшную реальность. Пожалуй, один только взгляд с фотографии может рассказать больше, чем целая книга.

У полковника Стрелянова очень много военных наград —

около тридцати! Среди них два ордена Отечественной войны II степени, орден Красной Звезды, медаль «За отвагу», две медали «За боевые заслуги», медали за победу над Германией и Японией, «За взятие Вены», «За взятие Будапешта» и «За освобождение Белграда». Самая дорогая и редкая — «За отвагу», которую он получил во время боевых действий

с Японией за организацию радиосвязи. Работать приходилось в прямом смысле под пулями врага!

Надевает все свои награды Анатолий Иванович редко: только на встречи с однополчанами — в Москве, раз в пять лет. Ведь носить столько знаков отличия тяжело, и небезопасно: стоимость каждой военной медали или ордена в наши дни довольно велика.

«Всё, что я помню, и как это теперь понимаю» — так называется книга, в которой он повествует о событиях своей молодости (с 1926-го по 1946-й годы). Уже написано 24 главы, но сбор материала продолжается. Мы узнали, что его «дальняя память» функционирует гораздо лучше, чем «короткая»: порой события конкретного дня на фронте вспоминаются яснее, чем те, что были вчера, поэтому мемуары пишутся легко и быстро. Во время работы Стрелянов также обращался в архивы и к оставшимся в живых фронтовым товарищам. Эти главы — 1600 страниц — ещё нигде не публиковались: мы стали одними из первых читателей! Кстати, трудится ветеран как самый современный писатель, на компьютере. Говорит, что это очень удобно и легко, а разобраться в программах ему помогает вечная любовь к технике, оставшаяся ещё с юности.

«Через 2-3 дня после начала войны я был направлен в полк связи Киевского особого военного округа», — повествует он в своих мемуарах. Впоследствии получил специальность техника по ремонту аппаратуры радиосвязи. Позже назначили помощником командира батальона по материально-техническому обеспечению.

Калейдоскоп городов и стран, через которые провела Анатолия Ивановича война, поражает: Украина, Молдавия, Румыния, Болгария, Югославия, Венгрия, Австрия, Чехословакия; из столиц — Белград, Будапешт и Вена. Вот как он рассказывает о взятии Вены: «13 апреля состоялся генеральный штурм города, который завершился к вечеру взятием австрийской столицы. Подгоняемые угрозы

окружения, остатки венской группировки покинули город по последнему оставшемуся у них в руках мосту через Дунай. В результате быстрого и решительного штурма город почти не пострадал. Но наша дивизия в этом штурме уже не принимала никакого участия. Взятием Вены закончилась и Венская наступательная операция».

В беседе с нами он ещё раз подчеркнул, что успеху Советских войск способствовала дисциплина: «Мы четко реагировали на создавшуюся обстановку и знали последствия своих действий. Солдат хорошо обучали в училищах перед тем, как отправить на фронт. Однако надёжность радиотехники и техники вообще у немцев была выше, да и потери у нас были больше, чем у противника».

«Самая большая радость для меня — это то, что я пишу, говорю о войне, а главное — помню», — признаётся ветеран. Повезло и нам приобщиться к незабываемым событиям военного времени. То, что ценнейшие воспоминания сохранены на бумаге — его огромная заслуга перед Отечеством. После, разумеется, участия в войне.

«Нельзя думать об исключительности нашего поколения, ведь у каждого следующего — «свой Сталинград» и свои задачи, которые со временем только усложняются. И вы, молодые люди XXI века, ещё совершите свои подвиги!» — заверил нас Анатолий Иванович в конце беседы. Из школьного кабинета истории мы с гордостью выходили вместе с одним из тех своих соотечественников, кто сам создавал нашу историю!

Ирина Кабанова,
Алёна Курсекова

ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ ПАМЯТЬ

«Есть такая фраза: «Никто не забыт и ничто не забыто». Я с ней не согласен, — сказал Борис Валентинович Аверин на презентации второго дополненного издания «Блокадной книги» Даниила Александровича Гранина, состоявшейся 6 марта. — Вот жила в войну в Ленинграде женщина. Без друзей, без родных, а потом во время обстрела погибла. Кто о ней вспомнит спустя столько времени? Хотя бы её имя? А сколько пропавших без вести, похороненных в безымянных братских могилах, о существовании которых никто и не знает».

С этой точкой зрения можно спорить. С одной стороны — люди по сей день хранят память о тех жертвах, страданиях и муках, которые довелось пережить их родственникам в годы Великой Отечественной войны. А с другой — до сих пор есть семьи, которые не знают, что случилось с их родными, ушедшими на фронт.

Сегодня существует множество поисковых отрядов, занимающихся раскопками и перезахоронением останков солдат. Мой знакомый Александр Щербаков уже нескольких лет состоит членом одного из них.

Ещё будучи тринадцатилетним подростком, Александр вместе со своим другом увлекался военной тематикой. Ещё тогда, вооружившись лопатами, они провели свои первые археологические опыты в Полежаевском парке. Их находкой стали осколки боеприпасов.

В 17 лет молодые люди вступили в «Фонд поисковых отрядов Ленин-

градской области». С тех пор стали принимать организованное участие в раскопках.

Несмотря на то, что заниматься этим зимой довольно проблематично, работа идёт круглый год. Сначала она ведётся в архивах: изучаются карты военных действий, места прорывов обороны и крушения самолётов. В нашей местности поисковики выделяют три основных «точки»: город Любань, где была совершена неудачная попытка прорыва блокады; Невский пятачок — фронт, державший оборону в течение длительного времени, и Сиявнинские высоты — место прорыва блокады.

После тщательного исследования исторических материалов в предположительные места сражений отправляется разведка. Её задача — установить конкретное местонахождение останков во всём районе. С помощью металлоискателей они обследуют поверхность земли. При

обнаружении прибором вещей проверяют грунт. Специальным прутом — щупом, заостренным с одной стороны, смотрят состояние почвы. Например, если она мягкая, значит, подлежала перекапыванию. Также проверяют её «содержимое» на наличие камней, металлов и костей.

Когда разведка находит останки или предполагает, что они там есть, место помечают, и лишь потом за дело принимается уже поисковая вахта.

Отрядами от 5 до 15 человек проводится изъятие. Однако перед этим восстанавливают полную картину

гибели человека по позе скелета и по обнаруженным при нём предметам. После происходит опознание, отпевание, перезахоронение в братских могилах на территории воинских кладбищ. На этот ритуал обычно приезжают родственники, если с ними удаётся связаться.

Там же близким передаются вещи погребённого, найденные при раскопках.

Если же опознание оказывается безрезультатным, всё равно перезахоронивают, а имущество передают в музеи военной архитектуры при школах и лицеях.

Данное увлечение можно назвать поистине благородным, ведь многие ребята работают на добровольной основе. Для них это — увлекательное занятие, новые знания и свой вклад в историю.

Так, один солдат после своего исчезновения считался предателем, перешедшим на сторону врага. Недавно его скелет был раскопан и опознан. При тщательном изучении выяснилось, что он бежал в атаку на сторону немецких позиций с пистолетом в руке, когда его настигла смерть. И через 60 лет справедливость была восстановлена, его похоронили как героя.

За время работы фонда были произведены сотни перезахоронений.

С каждой такой раскопкой, с каждой экспедицией, с каждой попыткой узнать больше о страшных годах войны и их последствиях, мы делаем фразу «Никто не забыт и ничто не забыто» более правдивой. До тех пор, пока в наших сердцах будет жить любовь, чувство долга и стремление к познанию, те, кто не ощутил вкуса победы из-за преждевременной кончины, будут жить. Они будут жить в наших книгах, фильмах, сердцах и русской земле.

Кристина Нашахалова

О ЧЁМ БЫ Я СПРОСИЛА...

Я бы хотела узнать у Героя Советского Союза, разведчицы и моей землячки Валентины Голубевой – как она не пожалела отдать свою жизнь за Родину?

Как, будучи ещё школьницей, решила подать заявление в горком, чтобы её взяли в армию. И не просто в армию, а в разведку! Как не побоялась, зная о всех мучениях и пытках, которые устраивали партизанам, стать одной из них? Ради чего решилась на этот шаг?

Как она, юная девчонка, не побоялась наблюдать за немецкими солдатами, находясь от них в нескольких метрах? О чём думала, когда всю ночь пролежала в снегу, чтобы остаться незамеченной врагом? Что чувствовала, когда за спиной свистели пули?

Как ей удалось сохранить тайну о том, что она партизанка, даже от родной мамы? Из-за запретов начальства или из желания побережь спокойствие самого близкого человека?

Что чувствовала, когда её наградили первой медалью «За боевые заслуги»? Стоила ли эта медаль того страха и боли, что пришлось пережить?

Как решилась вступить в партизанскую группу «Вера» и отправиться на такое рискованное задание

в Псков? Почему, передав нужную информацию советским бойцам, они не вернулись на волховскую землю? Не было возможности, или героизм давал надежду на то, что, живя бок о бок с фашистами, они с девочками останутся незамеченными? А может, это была следующая часть задания – докладывать обстановку изнутри?

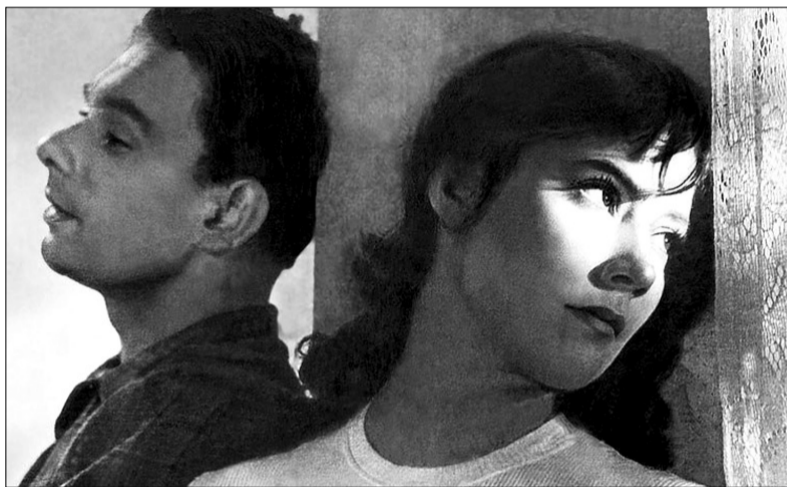
Не жалела ли она, сидя в камере и ожидая смерти, о том, какой была её жизнь? О том, что не получилось закончить учёбу, вырастить детей? Что думала она о матери, которая не знала ничего и свято верила, что дочь её в полном порядке?

Как хватило сил, терпя целый месяц пыток, не выдать врагу информацию? Как выдержала зверские побои и раскалённые прутья на теле? Как догадалась вложить записку в стену камеры, написав на ней послание своей же кровью? Что думала в последние минуты, ожидая расстрела?

Я бы хотела, чтобы она узнала, что земляки прозвали её «волховской Зоей Космодемьянской», что её подвиг посвящают стихи, что в её родном городе есть улица «Вали Голубевой». Я бы хотела сказать ей, что её подвиг не напрасен, что победа была за Советским Союзом, что она – один из тех героев, благодаря которым враг был разгромлен!

Арина Шмелева
Фото автора

ПРОВОЗГЛАШАЮЩАЯ ЖИЗНЬ

Через многолюдную толпу встречающих прорывается женщина. Задыхается от волнения, плачет, крепко сжимает в руках цветы. Она надеется, что встретит возлюбленного с фронта... И до последнего кадра заставляет зрителя верить в это вместе с ней.

Не удивительно, что фильм Михаила Калатозова «Летят журавли» завоевал много почетных наград, среди которых и единственная для отечественного кинематографа Золотая пальмовая ветвь Каннского кинофестиваля.

Даже сейчас, спустя полвека после первого показа, кинолента глубоко волнует. Ведь и потрясающая работа оператора, находящего новые ракурсы и позволяющего зрителям взглянуть на мир глазами персонажей, и музыкальное сопровождение, словно аккомпанирующее самым напряженным моментам, и проникновенная игра Татьяны Самойловой – всё здесь необычно. Сюжет, тем более.

Драма о кровопролитном времени перестает быть повествованием о героизме и подвигах солдат. В «Журавлях» рассказывается не о многотысячной армии,

с которой «ничего существенного не произошло», а об отдельных людях, чьи судьбы перечеркнула душевная и физическая боль от войны. Этот фильм не о мифических идеалах, а о реальности, где человек, порой, страдает от совершенных поступков, но находит силы меняться и менять мир к лучшему. «Мы победили и остались жить не во имя разрушений, а во имя созидания новой жизни!» – финальная фраза гениального творения, которой провозглашается его основная идея.

Галина Поликарпова

Уже час на машине мы с папой едем по Санкт-Петербургу. Вокруг празднично, нарядно. В центре города много народу, все поздравляют ветеранов. Сквозь открытое окно слышно, как вдалеке звучит «Катюша». Сегодня 9 мая.

Мы подъезжаем к пограничному с Эстонией Ивановскому району. Позади остались Красное село, Кингисепп и другие небольшие населённые пункты, но даже там везде висят поздравительные плакаты, громко играет музыка. На улицах много ветеранов и детей с растрёпанными на ветру гвоздиками.

Сегодня, в последний выходной в честь праздника, мы едем в Эстонию к бабушке с дедушкой. На границе – многокилометровая очередь из машин, поэтому приходится отправляться пешком, чтобы успеть пройти таможенный контроль хотя бы за сегодня. Оставляем машину на стоянке и направляемся к таможене.

На российской границе у всех таможенников на груди виднеются чёрно-рыжие ленточки. «С праздником!» – улыбается девушка, ставит штамп и отдаёт паспорт. Дальше – эстонская зона. За окошками регистрации сидят две служащие: русская и эстонка. У первой в кармашке, хоть и спрятана поглубже, но всё равно видна праздничная лента. Увидев, что я смотрю, она быстрым движением

НЕВИДИМЫЙ ПРАЗДНИК

руки убрала её и отдала паспорт. Наконец, мы вышли на хорошо знакомую с детства площадь в небольшом приграничном городке Нарва. Я хорошо здесь ориентируюсь, поэтому решила сама пройтись до дому, а папа с сумками уехал на автобусе.

Нарва – русскоязычный город, где, наверно, 99% населения говорит по-русски, и живёт немало ветеранов. На площади перед таможеней много народу на выходе,

больше, чем обычно. Мне стало интересно, почему они сегодня так рвутся в Россию. Поблизости от меня стоит полная женщина с маленьким мальчиком на руках. К ней я обратилась с вопросом. «Ну, как же, – мило улыбнувшись, ответила женщина – ведь сегодня 9 мая, русский праздник День Победы, а многие тут далеко не эстонцы. У нас это не официальная дата, вот и идём в Россию. Да и у меня там дедушка-ветеран, нужно поздравить».

Иду дальше. По пути встречается несколько человек с чёрно-рыжими лентами на груди, но все они куда-то спешат, вид у них не праздничный, довольно обычный. Никому нет никакого дела до 9 мая.

Через несколько минут выхожу к самому большому магазину в городе. И вдруг замечаю в воздухе много шариков и слышу громкую музыку. Спешу туда. Оказалось, это мужчина в деловом костюме надувает разноцветные шары и пу-

скает их в воздух. Игрет музыка военных времён. Но, на удивление, вокруг почти никого нет, лишь пара зевак, да дети заворожено наблюдающие за шарами. Но и они расходятся, а мужчина продолжает своё дело.

Меня давно ждут, и приходится поспешить. На улице всего половина десятого вечера, но людей почти нет, да и в домах не везде горит свет. Сейчас в России, небось, празднуют до сих пор, а тут такое ощущение, что город спит. Ведь там и тут живут русские, которые прекрасно помнят о Дне Победы, разделяет их всего лишь пограничная черта.

Думаю, всё дело в политике властей. С их стороны нет никакой инициативы. Более того, им легче стараться замолчать эту дату: официально в Эстонии 9 мая – рабочий день. Всем памятна история с Бронзовым солдатом, который был перенесён из центра Таллина на Военное кладбище. Шумиха, устроенная вокруг данного события, не добавляет позитива в российско-эстонские отношения.

Конечно, если люди хотят, то они могут возлагать цветы к памятникам, проводить какие-то собрания в этот день, однако с каждым годом к местам погибших воинов приходит всё меньше народа. Но пока живы ветераны, мы будем, несмотря на расстояния, поздравлять их.

Александра Мостовая
Коллаж автора